

УДК 159.923
ББК Ю953.1

ГСНТИ 15.21.51

Код ВАК 19.00.01

Злоказов Кирилл Витальевич,

кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры психологии служебной деятельности и педагогики, Уральский юридический институт МВД России; 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66; e-mail: zkirvit@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ (В КОНТЕКСТЕ ЭРИКСОНИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ)¹

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идентичность личности; развитие идентичности; модели развития; поиск и принятие идентичности.

АННОТАЦИЯ. Рассматривается развитие идентичности личности в работах последователей Э. Эриксона. Идентичность анализируется с процессуальной точки зрения. Развитие описывается через призму социального контекста, стратегий формирования идентичности личностью, а также показателей процессуальной, интегративной, трехфакторной и итеративной моделей развития. Анализируется роль социального контекста в формировании идентичности личности. Отмечается размывание социальных норм в европейской культуре конца XX века и обусловленные ими процессы: индивидуализация траекторий развития молодежи, пассивность подростков при выборе целей идентификации. Описываются познавательная и конструирующая стратегии развития идентичности личности, эмпирические и теоретические доводы в их поддержку. Интерпретация развития идентичности обсуждается в моделях М. Берзонски, С. Шварца, Г. Гротеванта, Е. Куннена и Х. Босма. В ходе их изложения определяются сходства и отличия концепций идентичности личности друг от друга, а также удаление от теоретических основ эриксоновской концепции. Так, отмечается отход от линейной модели идентичности в пользу нелинейной (циклической), переход от социально обусловленной типологии статусов идентичности к индивидуальным динамическим траекториям, замена статических отношений между параметрами модели на обратимые, многоуровневые, интегративные.

Zlokazov Kirill Vitalievich,

Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of Department of Psychology of Official Work and Pedagogy, Ural Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia.

CONTEMPORARY MODELS OF PERSON'S IDENTITY DEVELOPMENT (IN THE CONTEXT OF ERIKSON'S TRADITION)

KEYWORDS: person's identity; personality development; models of development; search for and acceptance of identity.

ABSTRACT. The development of person's identity in the works of E. Erikson's followers is studied. Identity is analyzed as a process. The development is described in the frameworks of social context, strategies of person's identity formation and the indicators of processual integrative, three-factor and iterative models of development. The role of social context in the formation of person's identity is discussed. It is shown that the social norms in the European culture at the end of the XXth century blur, as well as the processes conditioned by these norms: individualization of the trajectories of the youth development, passivity of teenagers in the choice of the aims of identification. Cognitive and constructive strategies of person's identity development are described, besides the author provides empirical and theoretical arguments to support them. Interpretation of identity development is discussed in the works of M. Berzonsky, S. Schwarz, H. Grotevant, E. Kunnen and H. Bosm. The author of the article singles out the similarities and the differences of the concepts of person's identity as well as their deviation from the concept introduced by E. Erikson. Thus, the linear model of identity is substituted by the cyclical one, socially caused typology of identity statuses transfers to individual dynamic trajectories, static relations between the model parameters is replaced by reversible, multi-layer and integrative ones.

Вопрос о развитии идентичности личности является одной из важных проблем, сопровождающих изучение феномена идентичности. Он выступает интересным предметом исследования, однако не в полной мере освящен в отечественной научной публицистике. Цель настоящей статьи – отчасти исправить этот пробел, представив обобщение зарубежных кон-

цепций, рассматривающих развитие идентичности в психологическом ключе и соотносимых с постэриксоновской традицией. Обсуждение затронет концепции, выполненные в парадигме Э. Эриксона [19]: Дж. Марсии [25; 26]. А. Ватермана [37; 38], М. Берзонски [3; 4], С. Шварца [33], а также иные теоретические и эмпирические исследования, дополняющие, уточняющие и развивающие их положения.

Акцент статьи объясняется эвристичностью эриксоновской методологии, наличием теоретической и эмпирической аргументации состоятельности каждой из анализируемых концепций. Вместе с этим,

¹ Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (проект МК-1644.2014.6 «Методика комплексного (лингвистического, психолингвистического, психофизиологического) анализа экстремистского текста и его воздействия на адресата»).

логика построения материала статьи вызвана стремлением сфокусировать внимание не только на процессуальных переменных, традиционных для эриксоновского подхода. Анализу подвергаются два относительно новых элемента современных концепций: 1) социально-культурный контекст, 2) стратегия построения идентичности личностью. Их анализ позволит нам более полно представить суть новых взглядов на развитие идентичности, соотносимых со ставшим уже классическим представлением ближайшего последователя Эриксона – Дж. Марсии – о статусах идентичности [25, с. 118-133].

Определим используемые понятия, а также некоторые упрощения в изложении, вызванные ограничениями объема журнальной статьи.

Под идентичностью личности понимается целостность целей, установок, убеждений, определяющих социальное развитие личности, а также ее последовательное и непротиворечивое взаимодействие с обществом. Развитие идентичности есть качественные преобразования, приводящие к изменению ее структуры и содержания. Каждая из концепций по-разному определяет сущность изменений, сопровождающих развитие. Например, Э. Эриксон описывает развитие как преодоление диффузии целей, установок, обретение их целостности [19], Дж. Марсия интерпретирует развитие как чередование этапа моратория, т. е. сбора информации о вариантах идентификации с этапом достижения, т. е. осмысленной убежденности человека в необходимости следовать выбранным целям [26].

В основной части статьи представлены четыре концепции развития, дающие новое толкование развития и его признаков. Отметим, что в статье развитие рассматривается только с процессуальной стороны, через призму стадий, циклов. Качественные, содержательные признаки в силу ограничений в объеме изложения не приводятся. Помимо этого, для повышения ясности изложения из определения, а также из материалов исключены виды идентичности, не соотносимые с идентичностью личности: социальная, культурная, профессиональная, эго-идентичность. Также нами не рассматриваются некоторые измерения идентичности личности: 1) временной аспект – самоидентичность человека в разные промежутки времени своего развития; 2) индивидуальный аспект – тождественность побуждений (потребностей, мотивов, ожиданий) и внешних условий их воплощения; 3) социальный аспект – тождественность личности социальной группе; представления человека о том, кем он является и что в

его внешности, поведении, мыслях позволяет окружающим это понимать.

Изложение построено следующим образом. Вначале описывается социальный контекст развития идентичности, далее анализируются стратегии развития идентичности, связанные с особенностями личности, после этого рассматриваются модели развития. В завершении статьи подводятся итоги обсуждения.

Социальный контекст развития идентичности: роль социально-культурных факторов. Представление о влиянии общества на процесс развития идентичности личности разрабатывалось Э. Эриксоном и его последователями преимущественно в едином ключе. Личность рассматривалась в качестве «социального проекта», а идентичность отражала меру тождественности обществу. В этом теоретическом фрейме исследователи сосредоточены на изучении социальных структур, установлении их воздействия на личность, ее структуру и динамику развития. Для дифференциации социальных факторов личность рассматривается в системе социальных контекстов, отличающихся своим масштабом – от микроконтекстов семьи и друзей до макроконтекстов культуры, религии, политики [10, с. 513-531]. Идентичность имела два вида представления: во-первых, в качестве параметра личности наряду с аналогичными характеристиками (например, свойствами характера, чертами личности), во-вторых, в виде показателя тождественности, иллюстрирующего сходство с конкретным микро- либо макро-контекстом: семьей, профессией, религией, этносом. Накопление экспериментальных и эмпирических данных трансформировало представления о влиянии общества на развитие идентичности. В частности, показано, что представление о собственной виктимности, установка на сепаратизм и антиинтеллектуальность передаются из одного поколения афроамериканцев к другому [29, с. 365-391]. Этническая, религиозная идентификация у маргинальных афроамериканцев обладают выраженной аффективной составляющей, что проявляется в негативных эмоциях, влиянии на самооценку ситуаций, в которых она обесценивается [17, с. 350-264]. Таким образом, идентификация с социальным контекстом формирует стереотипы восприятия информации и ее интерпретации, в последующем влияет на социальное поведение.

Современные социально-психологические подходы согласуются в том, что влияние социального контекста на идентичность имеет не только директивный, односторонний характер, но и реципрокный

[13, с. 571-586]. Он проявляется по мере социального развития, воплощаясь в непрерывно расширяющемся влиянии личности на микро- и макроконтракты. Другими словами, влияние общества не тотально, свою роль в поиске и обретении идентичности имеет и человек. Как показывает теория оптимального своеобразия, люди поддерживают баланс между предписанными моделями поведения и собственной индивидуальностью [9, с. 475-482]. Ощущая одиночество и изолированность, они демонстрируют свою принадлежность к социальной группе, избавляясь от них – становятся более автономными, независимыми от влияния группы в своем поведении. Выбирая, с кем или чем идентифицироваться, люди стараются придерживаться тех образов или шаблонов поведения, которые находятся в середине континуума «сходства с собой – полного отличия от себя».

В современных работах уточнена роль социального контекста по отношению к разным периодам жизни человека. Показано, что эта роль особенно заметна в подростковом и юношеском возрасте. Социально-культурные факторы в этот период играют роль системы координат, в которой ориентирует себя личность, намечая направления развития.

Дискуссии вызывает другое обстоятельство, влияющее на отношение между социальным контекстом и идентичностью личности. Ярким признаком культуры западного общества на протяжении последних десятилетий становится размытие норм и стандартов социального поведения [2, с. 774]. Этнические, политические, экономические и даже половые стереотипы теряют свою отчетливость, как следствие, дробясь, смешиваясь, трансформируясь, приобретают новые формы, образуют причудливые сочетания. К примеру, сексуальная ориентация американского подростка может быть гетеро-, гомо-, бинаправленной, а также «уточняемой» (questioning) либо «неопределенной» (unsure) [11]. Определенность социальных образов и стереотипов снижается, что отталкивает подростков от взаимодействия со взрослыми, к самостоятельному поиску идентичности, приобретению опыта всех возможных идентификаций [12]. Так, развитие сексуальной идентичности, в соответствии с теорией «слоеного пирога», предполагает прохождение пяти стадий: 1) установление гетеросексуальной идентичности; 2) получение опыта гомосексуальных мыслей, чувств и/или поведения; 3) включение гомосексуального влечения в гетеросексуальную идентичность; 4) интеграция и ассимиляция гетеро- и гомосексуальной идентичности, 5) уста-

новление бисексуальной идентичности [6]. Обретение бисексуальной идентичности – вершинная форма развития сексуальной направленности личности.

Представленный пример раскрывает путь личности в установлении базовых идентификаций. Потребности, способности и желания находят большее воплощение в содержании идентичности личности, процессе ее развития, чем, к примеру, закрепленные в обществе модели полового поведения, этнические, религиозные установки. Вместе с тем, пример нужен для понимания изменений в методологии исследования идентичности. Она все более ориентируется на индивидуальные траектории развития идентичности, изучение жизненного опыта конкретной личности, нежели на анализ содержания социальных установок и социокультурных стереотипов [13, с. 571-586].

Возвращаясь к проблеме социального контекста, рассмотрим еще одну ее грань. Феномен размытия социального контекста увеличивает роль личности, ее ресурсов в поиске и принятии идентичности. Как быть, если их недостаточно? В этом случае идентичность выбирается из доступных вариантов, то есть «по умолчанию» (default). Подобное может происходить в ситуации, когда общество не предоставляет ресурсы для идентификации, например, информацию о возможности обучения, варианты трудоустройства и прочее [21, с. 325-346]. В этом случае подросток не тратит усилий на самоопределение, а принимает наиболее доступный вариант идентификации. Дж. Марсия объяснял пассивность в поиске идентификаций как позитивную форму кризиса идентичности, не сопровождающуюся чувством тревоги или депрессии, но отмечал, что они могут возникнуть у молодежи под влиянием стресса, обусловленного необходимостью проживания отдельно от родителей, самостоятельного существования [26, с. 29-46].

Подведем итоги. Феномен идентичности, развивающейся в условиях нечетких границ социальных контекстов, ставит вопрос о ревизии психологических представлений, открывает новые перспективы и направления работы. Исследования последних лет, затрагивающие конструктивные и деструктивные формы социального поведения людей, обнаруживают связь между идентичностью, социальными процессами и размытием социальных норм. К примеру, анализ психологических особенностей террористов обнаруживает два типа идентичности личности: бесцельная размытость, авторитарная предрешенность [32, с. 537-559]. Первый предполагает отказ от поиска каких-либо перспектив, направлений и устремлений, второй, наоборот, заключается в

строгом соблюдении предписанной извне стратегии развития. Предпосылки возникновения таких идентичностей связываются с изменением отношений между социальным контекстом и личностью, манипулированием ими. Их исследование – одна из важных задач, решение которой, как представляется, будет оказывать влияние не только на психологическую науку, но и на практику. Вместе с тем помимо социального контекста значительное влияние на идентичность оказывают стратегии ее построения личностью.

Стратегии развития идентичности личностью. В научной литературе представлены две стратегии: самопознание и самоконструирование. По своему теоретическому значению стратегии развивают идеи Э. Эриксона, поскольку не были учтены в его концепции, а появились во многом благодаря экспериментальному анализу практик идентификации. Проблема обозначилась несколькими сторонами: во-первых, при равенстве внешних условий характер идентификаций у разных людей различен, во-вторых, принимая решение сегодня, продемонстрировать те же качества, что известный киноактер, завтра подросток предпочтет другой набор качеств, связанных с другим киноактером. Пытаясь предсказать эти вариации, исследователи обнаружили стратегии идентификации, тесно связанные с самой личностью. Они получили теоретическую аргументацию и эмпирическую поддержку на протяжении последних десятилетий, были воплощены в процедурах коррекции социальной и личностной идентичности подростков и молодежи [31]. Будучи концептуально различными, особенности их проявления являются темой дискуссии, цель которой – понять роль и значение самопознания и самоконструирования в развитии идентичности. В рамках этой публикации стратегии будут описаны в их современном состоянии.

Образ человека, идущего на встречу с самим собой, базируется на представлениях о самоактуализации А. Маслоу, теории потокового состояния М. Чиксентмихайи [15], самодетерминации Э. Деси и М. Райена [30, с. 68-78]. Источником и верификатором тождественности становится некое нереализованное «истинное Я» [33, с. 317-339], задающее палитру потребностей, предпочтений и регулирующее социальные контакты человека. Социальный мир выступает в качестве лаборатории для экспериментирования с собственной жизнью, поиска состояний, отношений, занятий, вызывающих ощущение удовлетворения. Внутреннее «истинное Я» подсказывает, какие виды социальной активности следует продолжать, а

какие – отбрасывать, что в конечном итоге приводит к идентификации с избранными таким образом социальными объектами, т. е. образованию личностной идентичности. Наряду с установлением отношений тождественности с социальными объектами человек обретает самоидентичность [37, с. 47-74]. Эмпирические данные подтверждают существование стратегии самопознания идентичности личностью. Так, в итоге изучения политических предпочтений, трудовых функций, моральных стандартов, гендерного поведения, семейных отношений получены результаты, прямо указывающие на детерминацию идентичности индивидуальными особенностями личности.

Каковы причины, лежащие в основе предпочтений личностью одних объектов и избегания других? Ватерман объясняет вариации идентичности личностной экспрессивностью, то есть стремлением личности выбирать те направления деятельности, что максимально способствуют раскрытию внутреннего потенциала личности, приводят к достижению ею целей в жизни, сопровождаются ощущением полноты, удовольствия и осмысленности деятельности [37, с. 47-74]. Гротевант находит причины вариативности в индивидуальной специфичности человека, когнитивных способностях уже сформированной идентичности [20, с. 203-222].

Решение об идентификации принимается личностью на основе эмоций, которые ощущает человек в процессе поиска вариантов идентификации. «Правильная», «нужная» идентификация будет сопровождаться переживанием стенических эмоций, чувством радости, воодушевлением, «неправильная» – астенических, депрессии, уныния, тоски.

Вклад концепции самопознания в понимание роли личности видится в глубокой проработке вопроса о поиске и выборе идентичности. При этом данная концепция почти не уделяет внимание изменчивости, вариативности идентичности. В концепции самоконструирования эти явления, а также факторы и условия, влияющие на достижения целей, анализируются более тщательно.

Представление о конструировании личностью своей идентичности основывается на подходах, описывающих процессы принятия целей идентичности, когнитивных аспектах преодоления жизненных затруднений, принятий решений людьми [16; 18; 39]. Самоконструирование реализуется в продуктивных и непродуктивных стратегиях поиска и принятия идентичности. По мнению М. Берзонски, существует три варианта сбора информации, ее оценки и

принятия решения: 1) информационный, ориентированный на активный поиск и оценку информации при конструировании собственной идентичности, 2) нормативный, направленный на воспроизведение общественно заданных стратегий идентификации, 3) уклоняющийся, проявляющийся в отказе от сбора информации, принятия решения о целях собственного развития.

Люди с информационным стилем активны при решении жизненных проблем, осознают стоящие перед ними цели и воспринимает себя целостными и последовательными [3, с. 131-142]. Обладающие нормативным стилем идентификации восприимчивы к внешне установленным нормам поведения, недостаточно гибки в своих решениях и сосредоточены преимущественно на воспроизведении решений значимых для них лиц. Лиц с уклоняющимся стилем характеризуют преобладание эмоциональных стратегий принятия решения над когнитивными, низкая самооценка и неадекватное представление о собственной эффективности, безразличие в отношении к будущему [4, с. 81-98].

Оценка стилей развития идентичности показала, что они не распространяются на все сферы жизнедеятельности, но могут частично реализовываться в них [1, с. 627-652]. В целом, стратегия самоконструирования объясняет, как реализуются личностью когнитивные стратегии поиска, выбора и принятия объектов идентификации, ставят их эффективность в зависимость от когнитивных способностей человека.

Помимо раскрытия стратегий самопознания и самоконструирования идентичности необходимо ответить на вопрос о том, каковы их индивидуально-специфические отношения, их сочетание в процессе развития идентичности. Для этого кратко опишем результаты экспериментального исследования Шварца с соавторами. Исследование проводилось на выборке студентов, требовало от испытуемых применения когнитивных (характерных для конструирования) и эмоциональных (присущей самопознанию) стратегий идентификации [34, с. 309-345]. Испытуемым давались когнитивные и эмоциональные критерии, по которым следовало определять полезность варианта идентификации. Измерялось применение испытуемыми этих критериев и их влияние на оценку объектов идентификации. Результаты показали, что самоконструирование и самопознание не сочетаются друг с другом в процессе оценки вариантов идентификации. Из отчета ясно, что участники с преобладанием самоконструирования применяли когнитивные критерии и решали задачи, требующие умения

соотносить жизненные цели по их рациональным характеристикам. При этом люди неэффективно решали задачи на эмоциональную привлекательность, не применяли эмоциональных критериев для оценки целей идентификации. Обратное получено у участников, предпочитающих опираться на эмоциональную привлекательность целей идентификации, а не их когнитивную оценку. Такие люди эффективно решали задачи, релевантные своей стратегии, и не проявили себя в части применения рациональных стратегий анализа.

Таким образом, процессы самопознания и самоконструирования сочетаются в процессе развития идентичности, а их проявление обусловлено индивидуальными особенностями личности. В целом, изучение стратегий и стилей построения идентичности находится на начальном этапе и активно развивается в настоящее время.

Модели развития идентичности личности. Влияние эриксоновской традиции на последователей наиболее заметно в моделировании процессов развития идентичности. Существенными чертами базовой модели, разработанной Дж. Марсией и получившей название «статусной», являются: 1) представление идентичности в виде статусов – диффузии, предпрешенности, моратория и достижения; 2) определение линейного и последовательного развития идентичности, предполагающее движение от диффузии (размытия, неопределенности) к обретению (консолидации, целостности) идентичности; 3) представление содержания стадий в процедурах поиска и принятия идентичности [25, с. 118-133]. Исследователи подвергли критическому анализу положения статусной концепции Марсии, доказывая, что она не является моделью развития. Аргументы таковы: во-первых, цель концепции – описание проявлений идентичности, а не их периодизация, во-вторых, у обследуемых выявляется, как правило, несколько статусов идентичности одновременно, что делает невозможным достоверное определение преобладающего, в-третьих, признаки каждого из статусов глобальны, что не позволяет установить изменения идентичности внутри каждого из них. Если таковые происходят, то остаются незамеченными до перехода к другому статусу [7, с. 39-66]. Эти выводы, а также результаты многочисленных исследований заронили сомнение в методологической состоятельности стадийной модели и линейном представлении траектории идентификации [5; 7; 36].

Современные модели развития идентичности личности, выполненные в эриксоновской традиции, представляют ее как

совокупность динамических процессов, нелинейных и обратимых. Далее в статье нами будут описаны процессная, интегративная, трехфакторная и итеративная модели.

Процессуальная модель – одна из первых альтернатив статусной модели Марсии [20]. В ней представлены четыре ключевых блока: 1) индивидуальные особенности личности (свойства личности, когнитивные способности, имеющаяся, то есть уже сформированная, идентичность); 2) процесс идентификации, направленный на установление тождественности в конкретной сфере – профессиональной, религиозной, ценностной, межличностной; 3) контекст развития идентичности, на фоне которого разворачивается этот процесс, к нему относятся общественные, дружеские, семейные, учебные, трудовые отношения, в которые вовлечена личность и которые не могут не оказывать своего влияния; 4) влияние иных идентификаций личности, взятых в совокупности возможных связей. Существенной новизной модели стал отказ от линейной последовательности в пользу цикличности, мультипликативности (множественности контекстов обретения идентичности), внимание к индивидуальным особенностям личности, а также к роли социального окружения в усилении или ослаблении идентификации. Следует отметить, что модель Гротеванта, не получив значительного распространения, тем не менее стала отправной точкой для дальнейших исследований.

Интегративная модель представляет циклы поиска и принятия вариантов идентичности [22, с. 366-380]. Ее основу составляют процессы, заимствованные из родительской модели Марсии: *поиск* вариантов идентификации (имеет три параметра: поверхностный, глубинный, замедленный) и *принятие* решения о выборе варианта идентификации (имеет два параметра: приверженность своему решению, подразумевающую стремление следовать сделанному выбору; идентификация с решением, определяемая как готовность к осмысленному достижению идентичности) [24, с. 58-82]. Перечисленные пять параметров сгруппированы в два цикла идентификации. Первый цикл описывает идентификации, возникающие после принятия решения следовать тому варианту, что был взят из числа известных личности. Вторым циклом характеризуют идентификации, возникшие в ходе углубленного изучения альтернатив и вариантов, получивших свое обоснование и подкрепленные внутренним убеждением (обязательством) личности достигать их. В совокупности циклов развитие идентичности проходит в последовательности этапы:

1) изучение имеющихся, доступных вариантов; 2) выбор и принятие одного; 3) детальное изучение его особенностей; 4) отождествление с ним, принятие его в качестве направления развития. Кластерный анализ интегративной модели привел к выделению шести кластеров. Три из них перекликаются с описанием статусов по Марсии (достижения, принятия и предрешенности идентичности). Оставшиеся наполнены принципиально новым содержанием. Два кластера описывают разновидности диффузии идентичности: рассеянную диффузию, проявляющуюся в низких значениях всех параметров идентификации, беззаботную диффузию, сочетающую высокие значения по показателю замедленного поиска возможностей идентификации с низкими значениями по другим показателям. Третий кластер объединил показатели всех параметров модели. Имеющиеся результаты позволяют заключить, что интегративной модели удалось развить некоторые критикуемые положения статусной теории Марсии, обосновать причины обратимости идентичности: связать отказ от взятых обязательств, переключение на другие варианты идентификации с поверхностным анализом имеющихся вариантов, неэффективным, небрежным их поиском.

Трехфакторная модель идентичности направлена на измерение и изучение динамических процессов трансформации, происходящих с идентификациями [28, с. 1565-1581]. Модель включает некоторые понятия статусной концепции Марсии (принятие обязательств, углубленное изучение, пересмотр обязательств), но по-своему интерпретирует их. Так, принятие обязательства – это убежденность личности в правильности сделанного выбора, а также уверенность в себе как субъекте, способном обязательство выполнить. Углубленное изучение подразумевает осмысление обязательств, проявляющееся в поиске информации по поводу своего выбора, обсуждение его с другими. Пересмотр обязательств предполагает соотнесение принятых решений с альтернативами, также доступными личности [27, с. 1008-1021]. Статистическими данными исследований были подтверждены возрастные изменения в стабильности и последовательности идентичности, отличающие подростков и юношей друг от друга [14]. Так, в юношеском возрасте снижается стремление переосмысливать цели развития, повышается глубина и детальность анализа выбранных направлений, в целом, профили идентичности становятся более стабильными. Вместе с тем средние значения всех параметров модели не изменяются с возрастом, не позволяют отличать

«подростковую идентичность» от «юношеской».

В отличие от возраста, пол влияет на уровень параметров идентичности. Девочки-подростки являются более зрелыми, чем ребята, но к началу юношеского периода эти различия пропадают. Конфирматорный факторный анализ показал, что трехфакторная модель, включающая процессы принятия обязательств, детального изучения и переосмысления, обладает лучшими показателями прогностичности по сравнению с одно- и двухфакторными моделями развития, поскольку позволяет предсказывать случаи диффузии идентичности, заикливания идентификации между процессами углубленного изучения и пересмотра обязательств, что в целом свойственно респондентам подросткового и юношеского возраста.

Концептуальное отличие между интегральной и трехфакторной моделями в начальном этапе идентификации: в интегральной модели это поверхностный анализ альтернатив идентификации, в трехфакторной модели это оценка состоятельности решения об идентификации. Несмотря на эти различия, модели находят эмпирическую поддержку в лонгитюдных исследованиях подростков, а в теоретическом ключе не противоречат друг другу, поскольку являются расширениями статусной модели идентичности Марсии.

Итеративная модель развития идентичности прямо не соотносится с эриксоновской парадигмой идентичности, а представляет собой независимое концептуальное построение, синтезирующее идеи информационных стилей идентификации, процессной модели, а в части концептуального аппарата восходящая к когнитивной теории Пиаже. Итеративная модель фокусируется на актуальных процессах идентификации, порождаемых взаимодействием между личностью и окружающей средой [7].

По мнению авторов, идентичность – это тождество между социальным контекстом и личностью, проверяемое каждым актом взаимодействия. Нарушение идентичности приводит к конфликту, оперативное разрешение которого определяется ассимилятивными возможностями личности. Например, изменением собственного восприятия ситуации, ожиданий, связанных с ней. Если личность не способна ассимилировать произошедшее событие, то это приводит к ослаблению самообязательства следовать определенному поведению, поддерживать отношения, добиваться намеченной цели. К примеру, влияние несданных экзаменов на идентичность приводит к снижению ценности учебной деятельности вплоть до неже-

лания продолжать учебу [23, с. 361-378]. Невозможность восстановления тождественности приводит к расширению конфликта, дальнейшему ослаблению приверженности вплоть до отказа от установления тождественности, прекращения следования принятым обязательствам. Психологически отказ носит характер бегства, например, увольнения с работы, прекращения учебы, разрыва отношений с близким человеком. Вместе с тем, неудачи не всегда приводят к отказу от достижения поставленных целей. Невозможность ассимилировать компенсируется аккомодацией, то есть корректировкой идентичности. Аккомодация – это этап развития идентичности, снижающей «зазор» между идеальным и реальным, желаемым и доступным. Аккомодация приводит к коррекции цели, повышает гибкость идентичности. Эмпирическая проверка итеративной модели приводит к интересным результатам. Исследование процессов ассимиляции и аккомодации на выборке 222 зрелых людей в возрасте от 40 до 84 лет показало, что аккомодация наиболее выражена у женщин, чем у мужчин. Аккомодация негативно связана с самооценкой у обоих полов, а ассимиляция положительно коррелирует с самоуважением только у женщин [35, с. 175-188]. В зрелом возрасте ассимилятивные процессы становятся более выраженными, а аккомодационные – снижаются [40, с. 29-45]. Общий обзор итеративной модели приводит к мысли о положительном влиянии ассимиляции на краткосрочном этапе развития идентичности. Способность быть гибким, сохранять конструктивные отношения становится условием движения к намеченной цели, гарантией ее достижения. Эмпирические исследования обнаруживают, что характеристикой диффузной идентичности становится быстрота аккомодации, обретенной идентичности – сбалансированное применение ассимилятивных стратегий в случае, если это возможно, и аккомодирующих, если это неизбежно. Суммарность циклов ассимиляции и аккомодации складывается в единую траекторию развития идентичности. В коротком периоде времени, например, в течение дня, уровень принятия идентичности варьируется, то ослабевая, то усиливаясь, в зависимости от того, как личность преодолевает конфликты между собственными ожиданиями и их реализацией в социальном контексте.

Таким образом, в представленной работе проанализированы модели развития идентичности, базирующиеся на эриксоновской методологии, но в значительной степени уточняющие и расширяющие ее. Так, последователи переходят от социаль-

ной детерминации развития идентичности к все большему учету факторов индивидуальности, отходу от линейного представления этапов развития к нелинейному, обратимому, циклическому. Меняется взгляд на роль личности в построении идентификации. Личность как «общественный проект», приобретает все большие права на авторство. Она становится продуктом саморазвития, результатом собственных поступков и следствием собственного выбора. Личность, а не общество оценивает перспективы развития, принимает решение о собственной сущности и траектории своего жизненного пути.

Сходство современных моделей прослеживается в оценке роли социального контекста, а также применения личностью стратегий самопознания и самоконструирования в развитии идентичности, описании идентификации через традиционные для эриксоновского подхода процессы поиска

целей идентификации и принятия обязательств следовать им. Итеративная модель Босма, Кунена помимо этого оценивает соответствие цели идентификации социальным условиям ее осуществления.

Новизна моделей видна во введении новых качеств, процессов и характеристик идентичности. Помимо классического диапазона диффузии – целостности идентичности [25] – исследователи описывают когнитивные особенности принятия решения идентификации и отказа от него [22; 23; 24; 27; 28], стратегии обработки информации при преодолении затруднений [3; 4], процессов ассимиляции и аккомодации идентичности [7; 8].

Современные подходы к изучению процессов развития идентичности личности нацелены на нахождение эмпирической поддержки, повышение теоретической состоятельности, раскрытие эвристического потенциала идей Э. Эриксона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Academic Identity Status and the Relationship to Achievement Goal Orientation // *Electronic Journal of Research in Educational Psychology*. № 7(2). P. 627-652.
2. Arnett J. J. The psychology of globalization // *American Psychologist*. 2002. № 57(10). P. 774.
3. Berzonsky M. D. Identity style and well-being: Does commitment matter? // *Identity: An International Journal of Theory and Research*. 2003. № 3(2). P. 131-142.
4. Berzonsky M. D., Kuk L. S. Identity status, identity processing style, and transition to university // *Journal of Adolescent Research*. 2000. № 15(1). P. 81-98.
5. Blasi A., Glodis K. The development of identity. A critical analysis from the perspective of the self as subject // *Developmental Review*. 1995. №15. P. 404-433.
6. Bleiberg S., Fertmann A., Friedman A., Godino C. The layer cake model of bisexual identity development. URL: <http://www.naca.org>.
7. Bosma H. A., Kunnen E. S. Determinants and mechanisms in ego identity development: A review and synthesis // *Developmental Review*. 2001. № 21. P. 39-66.
8. Bosma H. A., Kunnen E. S. Identity-in-context is not yet identity development-in-context // *Journal of Adolescence*. 2008. № 31. P. 281-289.
9. Brewer M. B. The social self: On being the same and different at the same time // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1991. № 17(5). P. 475-482.
10. Bronfenbrenner U. Toward an experimental ecology of human development // *American Psychologist*. 1977. № 32. P. 513-531.
11. Centers for Disease Control and Prevention. Sexual identity, sex of sexual contacts, and health-risk behaviors among students in grades 9–12: Youth risk behavior surveillance, selected sites. United States, 2001–2009 // *MMWR*. 2011. № 60(7). P. 1-136.
12. Co[^]te E., Allaha A. L. *Generation on Hold: Coming of Age in the Late Twentieth Century*. Toronto : Stodda, 1994.
13. Cote J. E., Schwartz S. J. Comparing psychological and sociological approaches to identity: Identity status, identity capital, and the individualization process // *Journal of Adolescence*. 2002. № 25. P. 571-586.
14. Crocetti E., Schwartz S. J., Fermani A., Meeus W. The Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS): Italian validation and cross-national comparisons // *European Journal of Psychological Assessment*. 2010. № 26. P. 172-186.
15. Csikszentmihalyi M. *Creativity : Flow and the Psychology of Discovery and Invention*. New York : Harper Perennial, 1996.
16. Dollinger S. M. C. Identity Styles and the Five-Factor Model of Personality // *Journal of Research in Personality*. 1995. № 29. P. 475-479.
17. Dottolo A. L., Stewart A. J. “Don’t ever forget now, you’re a black man in America”: Intersections of race, class and gender in encounters with the police // *Sex Roles*. 2008. № 59(5-6). P. 350-364.
18. Epstein S., Pacini R., Denes-Raj V., Heier H. Individual Differences in Intuitive-Experiential and Analytical-Rational Thinking // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. № 71. P. 390-405.
19. Erikson E. H. *Identity; Youth and crisis*. New York : Norton Press, 1968.
20. Grotevant H. D. Toward a process model of identity formation // *Journal of Adolescent Research*. 1987. № 2. P. 203-222.
21. Kerpelman J. L., Pittman J. F., Lamke L. K. Toward a microprocess perspective on adolescent identity development: An identity control theory approach // *Journal of Adolescent Research*. 1997. № 12. P. 325-346.

22. Luyckx K., Goossens L., Soenens B. A developmental contextual perspective on identity construction in emerging adulthood: Change dynamics in commitment formation and commitment evaluation // *Developmental Psychology*. 2006. № 42. P. 366-380.
23. Luyckx K., Goossens L., Soenens B., Beyers W. Unpacking commitment and exploration: Preliminary validation of an integrative model of late adolescent identity formation // *Journal of Adolescence*. 2006. № 29. P. 361-378.
24. Luyckx K., Schwartz S. J., Berzonsky M. D., Soenens B., Vansteenkiste M., Smits I., Goossens L. Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence // *Journal of Research in Personality*. 2008. № 42. P. 58-82.
25. Marcia J. E. Development and validation of ego-identity status // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1966. № 35. P. 118-133.
26. Marcia J. E. Identity and psychotherapy // S. L. Archer (Ed.) *Interventions for adolescent identity development*. 1994. P. 29-46.
27. Meeus W., van de Schoot R., Keijsers L., Branje, S. Identity statuses as developmental trajectories: A five-wave longitudinal study in early-to-middle and middle-to-late adolescents // *Journal of Youth and Adolescence*. 2012. № 41. P. 1008-1021.
28. Meeus W., van de Schoot R., Keijsers L., Schwartz S. J., Branje S. On the progression and stability of adolescent identity formation: A five-wave longitudinal study in early-to-middle and middle-to-late adolescence // *Child Development*. 2010. № 81. P. 1565-1581.
29. Ogbu J. U. From cultural differences to differences in cultural frame of reference // *Cross-cultural roots of minority child development*. Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1994. P. 365-391.
30. Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development and well-being // *American Psychologist*. 2000. № 55. P. 68-78.
31. Schutt R. K. Changing Lives Through Literature: Bibliotherapy and Recidivism Among Probationers. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1884659>.
32. Schwartz S., Dunkel S., Waterman A. S. Terrorism: An Identity Theory Perspective // *Studies in Conflict and Terrorism*. 2009. № 32(6). P. 537-559.
33. Schwartz S. In search of mechanisms of change in identity development: Integrating the constructivist and discovery perspectives in identity // *Identity*. 2006. № 2(4). P. 317-339.
34. Schwartz S. J., Kurtines W. K., Montgomery M. J. A comparison of two approaches for facilitating identity exploration processes in emerging adults: an exploratory study // *Journal of Adolescent Research*. 2005. № 20(3). P. 309-345.
35. Skultety K. M., Krauss Whitbourne S. Gender differences in identity processes and self-esteem in middle and later adulthood // *J Women Aging*. 2004. № 16(1-2). P. 175-188.
36. Van Hoof A. The identity status approach: In need of fundamental revision and qualitative change // *Developmental Review*. 1999. № 19. P. 497-556.
37. Waterman A. S. Personal expressiveness: Philosophical and psychological foundations // *Journal of Mind and Behavior*. 1990. № 11. P. 47-74.
38. Waterman A. S. Developmental perspectives on identity formation: from adolescence to adulthood // J. E. Marcia, A. S. Waterman, D. R. Matteson, S. L. Archer and J. L. Orlofsky (Eds) *Ego identity: a handbook for psychosocial research*. New York : Springer-Verlag, 1993. P. 42-68.
39. Webster D. M., Kruglanski A. W. Individual Differences in Need for Cognitive Closure // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. № 67. P. 1049-1062.
40. Whitbourne S. K., Sneed J. R., Skultety K. M. Identity processes in adulthood: Age Differences in Identity, Self-Consciousness, & Ageism 43 Theoretical and methodological challenges // *Identity: An International Journal of Theory and Research*. 2002. № 2. P. 29-45.

REFERENCES

1. Academic Identity Status and the Relationship to Achievement Goal Orientation // *Electronic Journal of Research in Educational Psychology*. № 7(2). P. 627-652.
2. Arnett J. J. The psychology of globalization // *American Psychologist*. 2002. № 57(10). P. 774.
3. Berzonsky M. D. Identity style and well-being: Does commitment matter? // *Identity: An International Journal of Theory and Research*. 2003. № 3(2). P. 131-142.
4. Berzonsky M. D., Kuk L. S. Identity status, identity processing style, and transition to university // *Journal of Adolescent Research*. 2000. № 15(1). P. 81-98.
5. Blasi A., Glodis K. The development of identity. A critical analysis from the perspective of the self as subject // *Developmental Review*. 1995. № 15. P. 404-433.
6. Bleiberg S., Fertmann A., Friedman A., Godino C. The layer cake model of bisexual identity development. URL: <http://www.naca.org>.
7. Bosma H. A., Kunnen E. S. Determinants and mechanisms in ego identity development: A review and synthesis // *Developmental Review*. 2001. № 21. P. 39-66.
8. Bosma H. A., Kunnen E. S. Identity-in-context is not yet identity development-in-context // *Journal of Adolescence*. 2008. № 31. P. 281-289.
9. Brewer M. B. The social self: On being the same and different at the same time // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1991. № 17(5). P. 475-482.
10. Bronfenbrenner U. Toward an experimental ecology of human development // *American Psychologist*. 1977. № 32. P. 513-531.
11. Centers for Disease Control and Prevention. Sexual identity, sex of sexual contacts, and health-risk behaviors among students in grades 9-12: Youth risk behavior surveillance, selected sites. United States, 2001-2009 // *MMWR*. 2011. № 60(7). P. 1-136.

12. Co[^]te E., Allahar A. L. *Generation on Hold: Coming of Age in the Late Twentieth Century*. Toronto : Stodda, 1994.
13. Cote J. E., Schwartz S. J. Comparing psychological and sociological approaches to identity: Identity status, identity capital, and the individualization process // *Journal of Adolescence*. 2002. № 25. P. 571-586.
14. Crocetti E., Schwartz S. J., Fermani A., Meeus W. The Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS): Italian validation and cross-national comparisons // *European Journal of Psychological Assessment*. 2010. № 26. P. 172-186.
15. Csikszentmihalyi M. *Creativity : Flow and the Psychology of Discovery and Invention*. New York : Harper Perennial, 1996.
16. Dollinger S. M. C. Identity Styles and the Five-Factor Model of Personality // *Journal of Research in Personality*. 1995. № 29. P. 475-479.
17. Dottolo A. L., Stewart A. J. "Don't ever forget now, you're a black man in America": Intersections of race, class and gender in encounters with the police // *Sex Roles*. 2008. № 59(5-6). P. 350-364.
18. Epstein S., Pacini R., Denes-Raj V., Heier H. Individual Differences in Intuitive-Experiential and Analytical-Rational Thinking // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. № 71. P. 390-405.
19. Erikson E. H. *Identity; Youth and crisis*. New York : Norton Press, 1968.
20. Grotevant H. D. Toward a process model of identity formation // *Journal of Adolescent Research*. 1987. № 2. P. 203-222.
21. Kerpelman J. L., Pittman J. F., Lamke L. K. Toward a microprocess perspective on adolescent identity development: An identity control theory approach // *Journal of Adolescent Research*. 1997. № 12. P. 325-346.
22. Luyckx K., Goossens L., Soenens B. A developmental contextual perspective on identity construction in emerging adulthood: Change dynamics in commitment formation and commitment evaluation // *Developmental Psychology*. 2006. № 42. P. 366-380.
23. Luyckx K., Goossens L., Soenens B., Beyers W. Unpacking commitment and exploration: Preliminary validation of an integrative model of late adolescent identity formation // *Journal of Adolescence*. 2006. № 29. P. 361-378.
24. Luyckx K., Schwartz S. J., Berzonsky M. D., Soenens B., Vansteenkiste M., Smits I., Goossens L. Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence // *Journal of Research in Personality*. 2008. № 42. P. 58-82.
25. Marcia J. E. Development and validation of ego-identity status // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1966. № 35. P. 118-133.
26. Marcia J. E. Identity and psychotherapy // S. L. Archer (Ed.) *Interventions for adolescent identity development*. 1994. P. 29-46.
27. Meeus W., van de Schoot R., Keijsers L., Branje, S. Identity statuses as developmental trajectories: A five-wave longitudinal study in early-to-middle and middle-to-late adolescents // *Journal of Youth and Adolescence*. 2012. № 41. P. 1008-1021.
28. Meeus W., van de Schoot R., Keijsers L., Schwartz S. J., Branje S. On the progression and stability of adolescent identity formation: A five-wave longitudinal study in early-to-middle and middle-to-late adolescence // *Child Development*. 2010. № 81. P. 1565-1581.
29. Ogbu J. U. *From cultural differences to differences in cultural frame of reference // Cross-cultural roots of minority child development*. Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1994. P. 365-391.
30. Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development and well-being // *American Psychologist*. 2000. № 55. P. 68-78.
31. Schutt R. K. *Changing Lives Through Literature: Bibliotherapy and Recidivism Among Probationers*. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1884659>.
32. Schwartz S., Dunkel S., Waterman A. S. Terrorism: An Identity Theory Perspective // *Studies in Conflict and Terrorism*. 2009. № 32(6). P. 537-559.
33. Schwartz S. In search of mechanisms of change in identity development: Integrating the constructivist and discovery perspectives in identity // *Identity*. 2006. № 2(4). P. 317-339.
34. Schwartz S. J., Kurtines W. K., Montgomery M. J. A comparison of two approaches for facilitating identity exploration processes in emerging adults: an exploratory study // *Journal of Adolescent Research*. 2005. № 20(3). P. 309-345.
35. Skultety K. M., Krauss Whitbourne S. Gender differences in identity processes and self-esteem in middle and later adulthood // *J Women Aging*. 2004. № 16(1-2). P. 175-188.
36. Van Hoof A. The identity status approach: In need of fundamental revision and qualitative change // *Developmental Review*. 1999. № 19. P. 497-556.
37. Waterman A. S. Personal expressiveness: Philosophical and psychological foundations // *Journal of Mind and Behavior*. 1990. № 11. P. 47-74.
38. Waterman A. S. Developmental perspectives on identity formation: from adolescence to adulthood // J. E. Marcia, A. S. Waterman, D. R. Matteson, S. L. Archer and J. L. Orlofsky (Eds) *Ego identity: a handbook for psychosocial research*. New York : Springer-Verlag, 1993. P. 42-68.
39. Webster D. M., Kruglanski A. W. Individual Differences in Need for Cognitive Closure // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. № 67. P. 1049-1062.
40. Whitbourne S. K., Sneed J. R., Skultety K. M. Identity processes in adulthood: Age Differences in Identity, Self-Consciousness, & Ageism 43 Theoretical and methodological challenges // *Identity: An International Journal of Theory and Research*. 2002. № 2. P. 29-45.